

Литературное обозрение

А. П. Чеховым напечатанъ въ „Русской Мысли“ новый рассказъ „Дама съ собачкой“, — небольшой рассказъ на психологическую тему „о странностяхъ любви“. По своему довольно минорному настроенію новая вещь талантливаго беллетриста не представляется исключеніемъ въ рядъ позднѣйшихъ его произведеній. И какъ почти всякое изъ послѣднихъ, рассказъ отмѣченъ чертами созрѣвшаго таланта и производитъ впечатлѣніе, въ особенноти вторую, болѣе сильно написанную половиною.

Героиня рассказа, — „дама съ собачкой“, итъкая Анна Сергѣевна, случайная гостья въ Ялтѣ, съ которою изъ простой „любви къ искусству“ заводитъ одну изъ своихъ безцѣльныхъ интригъ, скучающій интеллигентъ Дмитрій Дмитріевичъ Гуровъ, человекъ не первой молодости, привыкшій къ побѣдамъ и не находящій удовлетворенія въ своей семьѣ и нелюбимой женѣ. Загадочность положенія въ Ялтѣ интересной дамы, видимо, пріѣхавшей безъ мужа и никому не извѣстной, побуждаетъ Гурова на сближеніе съ пріѣзжей. Подъ случайнымъ предлогомъ опытный Донъ-Жуанъ вступаетъ въ разговоръ съ дамой и полагаетъ начало знакомству. Дама оказывается замужнею, но живущею въ Ялтѣ одиноко, безъ своего супруга, служащаго не то въ губернскомъ правленіи, не то въ земской управѣ. Во вторую встрѣчу съ Анной Сергѣевной, вечеромъ, на пристани, Гуровъ дѣлаетъ шагъ къ рѣшительному сближенію. Блестящіе глаза дамы и странная разсѣянность, выдавая ея волненіе, убѣждаютъ Дмитрія Дмитріевича въ ея заинтересованности имъ и придаютъ ему смѣлость. „Нарядная толпа расходилась, пишетъ авторъ, — уже не было видно лицъ, вѣтеръ стихъ совсѣмъ, а Гуровъ и Анна Сергѣевна стояли, точно ожидая, не сойдесть-ли еще кто съ парохода. Анна Сергѣевна уже молчала и нюхала цвѣты, не глядя на Гурова.

— Погода къ вечеру стала лучше, — сказалъ онъ. — Куда-же мы теперь пой-

демъ? Не поѣхать-ли намъ куда-нибудь?

Она ничего не отвѣтила.

Тогда онъ пристально поглядѣлъ на нее и вдругъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ губы, и его обдало ароматомъ и влагой цвѣтовъ, и тотчасъ-же онъ пугливо оглядѣлся: не видѣлъ-ли кто?

— Пойдемте къ вамъ... — проговорилъ онъ тихо.

И оба пошли быстро.

У нея въ номерѣ было душно, пахло духами, которые она купила въ японскомъ магазинѣ. Гуровъ, глядя на нее теперь, думалъ: какихъ только не бываетъ въ жизни встрѣчъ! Огъ прошлаго у него сохранилось воспоминаніе о беззаботныхъ, добродушныхъ женщинахъ, веселыхъ отъ любви, благодарныхъ ему за счастье, хотя-бы очень короткое: и о такихъ, — какъ, напримѣръ, его жена, — которыхъ любили безъ искренности, съ наливными разговорами, манерно, съ истеріей, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто то была не любовь, не страсть, а что-то болѣе значительное; и о такихъ двухъ-трехъ, очень красивыхъ, холодныхъ, у которыхъ вдругъ промелькнуло на лицѣ хищное выраженіе, упрямое желаніе взять, выхватить у жизни больше, чѣмъ она можетъ дать, и это были не первой молодости, капризные, не разсуждающія, властные, не умныя женщины, и когда Гуровъ охлаждѣвалъ къ нимъ, то красота ихъ возбуждала въ немъ ненависть, и кружева на ихъ бѣлыхъ казались ему тогда похожими на чешую...

Но тутъ все та-же несмѣлость, угловатость неопытной молодости, неловкое чувство; и было впечатлѣніе растерянности, какъ будто кто вдругъ постучалъ въ дверь... Анна Сергѣевна, эта „дама съ собачкой“, къ тому, что произошло, отнеслась какъ-то особенно, точно къ своему паденію, — такъ казалось, и это было странно и некстати. У нея опустились, завяли черты и по сторонамъ лица печально висѣли длинныя волосы, она стала серьезной и задумалась въ унылой позѣ, точно грѣшница на старинной картинѣ.

— Не хорошо, — сказала она. — Вы-же первый меня не уважаете теперь“.

Анна Сергѣевна посвящаетъ своего случайнаго друга въ интимныя подробности своей жизни. И она также далеко не счастлива въ своей семьѣ. Ей противенъ и провинціальныи городъ, гдѣ она живетъ, и сѣрый заборъ ея дома, и ея мужъ, „можетъ быть, честный, хорошій человекъ, по лакей“, не оправдавшій ея дѣвичьихъ мечтаній. Непорочная и честная натура, она ненавидитъ грѣхъ и жаждетъ чистой связи съ человекомъ по сердцу, и ей чувствуется, что онъ, Гуровъ, именно такой „добрый, порядочный, умный, не такой, какъ всѣ“.

Не придавая значенія своей новой интригѣ, отъ которой „его жизнь не была ни прекрасной, ни величавой“, Гуровъ, однако-же, не идетъ назадъ. Начавшаяся связь крѣпнетъ во время ежедневныхъ прогулокъ, и любовники наслаждаются счастьемъ до момента вынужденнаго отъѣзда Анны Сергѣевны изъ Ялты.

— Это хорошо, что я уѣзжаю, — говорила она при прощаньи Гурову. — Это сама

судьба. Еще немного, я увлеклась-бы вами серьезно. Вы такой хороший, такой милый, чудный, редкий человек, вас так легко полюбить! Но зачем любовь? Она разбила-бы мою жизнь. Любить вас тайно, скрываться отъ всех—развѣ это не ужасно?

Она поѣхала на лошадахъ, и онъ провожалъ ее. Бѣжали цѣлый день. Когда она сѣла въ вагонъ курьерскаго поѣзда и когда пробили второй звонокъ, она говорила:

— Дайте, я погляжу на васъ еще... Погляжу еще разъ. Вотъ такъ.

Она не плакала, но была грустна, точно больна, и лицо у нея дрожало.

— Я буду о васъ думать... вспоминать, — говорила она. — Господь съ вами, оставите. Не поминайте лихомъ. Мы извсегда прощаемся, это такъ нужно, потому что не слѣдовало-бы вовсе встрѣчаться. Ну, Господь съ вами.

По возвращеніи изъ Ялты въ свою Москву, Гуровъ окупается въ знакомую жизнь. Снова начинаютъ старые ресторанные обѣды, чтеніе газеты, влекутъ къ себѣ клубскіе интересы. Но воспоминаніе о недавней привязанности не умираетъ въ его душѣ. Оно разгорается все сильнѣе, и въ его памяти поминутно воскресаетъ и то, что было на молу, и раннее утро съ туманомъ на горахъ, и пароходъ изъ Феодосіи, и поцѣлуй. Анна Сергѣевна, ставшая воспоминаніемъ, рисуется ему краснѣе, моложе и цѣннѣе, и пошлая жизнь съ ненужными разговорами о картахъ, о свѣжести осетрины и т. п., ранѣе удовлетворявшая, становится ему наконецъ несносной. Не въ силахъ устоять предъ жаждою свиданія, Гуровъ ѣдетъ въ С., видитъ стѣнный и длинный заборъ, на который вѣчно обречена смотрѣть Анна Сергѣевна, и идетъ въ театръ, въ надеждѣ повидаться съ нею. Судьба ему благоприятствуетъ, и только тутъ Дмитрій Дмитричъ понимаетъ, что «для него теперь нѣтъ на всемъ свѣтѣ ближе, дороже и важнѣе человека», чѣмъ эта маленькая женщина, затерявшаяся въ провинціальной толпѣ, ничѣмъ не замѣчательная, съ вульгарною лорнеткой въ рукахъ». Въ антрактѣ, дождавшись ухода ея мужа, Гуровъ подходитъ въ ней съ привѣтствіемъ.

Она взглянула на него и поблѣднѣла, потомъ еще разъ взглянула съ ужасомъ, не вѣря глазамъ, и крѣпко сжала въ рукахъ вмѣстѣ вѣеръ и лорнетку, очевидно, борясь съ собой, чтобы не упасть въ обморокъ. Оба молчали. Она сидѣла, онъ стоялъ, испуганный ея смущеніемъ, не рѣшаясь сѣсть рядомъ. Запѣли настраиваемыя скрипки и флейта, стало вдругъ страшно, казалось, что изъ всехъ ложъ смотрятъ. Но вотъ она встала и быстро пошла къ выходу; онъ—за ней, и оба шло безтолково, по корридорамъ, по лѣстницамъ, то поднимаясь, то спускаясь, и мелькали у нихъ передъ глазами какіе-то люди въ судейскихъ, учительскихъ и удѣльныхъ мундирахъ, и все со значками; мелькали дамы, шубы на вѣшалкахъ, дулъ сквозной вѣтеръ, обдавая запахомъ табачныхъ окурковъ. И Гуровъ, у котораго сильно билось сердце, думалъ:

«Какъ это мучительно, тягостно! О, Господи! И къ чему эти люди, этотъ оркестръ?»

На узкой, мрачной лѣстницѣ, гдѣ было написано «ходъ въ амфитеатръ», она остановилась.

— Какъ вы меня испугали! — сказала она, тяжело дыша, все еще очень блѣдная, ошеломленная. — О, какъ вы меня испугали! Я едва жива. Зачемъ вы пріѣхали? Зачемъ?

— Но поймите, Анна, поймите... — проговорила онъ вполголоса, торопясь. — Умолю васъ, поймите...

Она глядѣла на него со страхомъ, съ мольбой, съ любовью, глядѣла пристально, чтобы покрѣпче задержать въ памяти его черты.

— Я такъ страдаю! — продолжала она, не слушая его. — Я все время думаю только о васъ, я жила мыслями о васъ. И мнѣ хотѣлось забыть, забыть, но зачемъ, зачемъ вы пріѣхали?

Повыше, на площадкѣ, два гимназиста курили и смотрѣли внизъ, но Гурову было все равно, онъ привлекъ къ себѣ Анну Сергѣевну и сталъ цѣловать ея лицо, щеки, руки.

Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете! — говорила она въ ужасѣ, отстраняя его отъ себя. — Мы съ вами обезумѣли. Убѣжайте сегодня-же, убѣжайте сейчасъ... Заклинаю васъ всемъ святымъ, умоляю... Сюда идутъ!

По лѣстницѣ снизу вверхъ кто-то шелъ.

— Вы должны уѣхать... — продолжала Анна Сергѣевна шепотомъ. — Слышите, Дмитрій Дмитричъ? Я пріѣду къ вамъ въ Москву. Я никогда не была счастлива, а теперь несчастна и никогда, никогда не буду счастлива. Никогда! Не заставляйте же меня страдать еще больше! Клянусь, я пріѣду въ Москву. А теперь разстанемся! Мой милый, добрый, дорогой мой, разстанемся!

Любовники расстаются, но съ этихъ поръ начинаются ихъ встрѣчи. Изрѣдка Анна Сергѣевна ѣздитъ въ Москву на свиданіе съ Гуровымъ въ гостиницѣ. Одною изъ такихъ встрѣчъ рассказъ оканчивается. Уже начинающій сѣдѣть, постарѣвшій и подурнѣвшій Гуровъ любить «по настоящему», первый разъ въ жизни и задумывается надъ роковою ошибкою судьбы. «Имъ казалось, — закончилъ авторъ, — что судьба предназначила ихъ другъ для друга, и было непонятно, для чего онъ женатъ, а она замужемъ, — это было чудовищно. И точно это были двѣ перелетныя птицы, самецъ и самка, которыхъ поймали и заставили жить въ отдѣльныхъ клеткахъ. Они простили другъ другу то, чего стыдились въ своемъ прошломъ, прощали все въ настоящемъ и чувствовали, что эта ихъ любовь измѣнила ихъ». Одна мысль о томъ, какъ освободиться отъ невыносимыхъ путей, мучила ихъ душу, и имъ казалось, что еще немного, — и рѣшеніе будетъ найдено, и что «до конца еще далеко-далеко»... Прослѣдить предстоящую драму или идиллію авторъ уже не считаетъ своею задачей.

А. Панайловъ